

© 2021

Юрий Лиференко

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Тверского государственного университета (г. Тверь, Россия)
(e-mail: Lifferenko69@yandex.ru)

ВОССОЗДАНИЕ В РОССИИ КАПИТАЛИЗМА, МАЛО СПОСОБНОГО РАЗВИВАТЬ ЭКОНОМИКУ

Существенные изменения, которые произошли в производственных отношениях за последнее столетие, лишили капиталистическую экономику нужного динамизма. Основные причины, приведшие мировую экономику к стагнации, кроются в хозяйственном монополизме частных и государственных предприятий-монополий, а также в государственном монополизме в управлении экономикой страны. Эти причины привели к перерождению традиционного капитала в такие активы, которые утратили основные черты капитала. В процессе трансформации капитализма создалась система, которая во многом потеряла способность к экономическому росту. Никакие перемены в политике не дадут положительного результата без определенных преобразований в экономике. Для таких преобразований предлагается воссоздание системы свободной конкуренции и преодоление государственного монополизма в управлении экономикой. Тем самым можно будет восстановить традиционные функции капитала.

Ключевые слова: частные и государственные монополии, монополия государственного управления, малые и средние предприятия, капитализм свободной конкуренции, капитал, экономический рост.

DOI: 10.31857/S020736760014935-7

Современная экономика (в основе своей капиталистическая) за последние 150 лет претерпела существенные изменения. Она утратила многие признаки капитализма свободной конкуренции (КСК), классического капитализма. Эти изменения не пошли на пользу странам, в которых существует современная экономическая система. К последствиям негативных изменений можно отнести замедление, а затем и стагнацию роста общественного производства и потребления, усиление тенденции имущественного и социального расслоения, замедление технологического прогресса и т.д. По этим показателям современный капитализм существенно и в худшую сторону отличается от КСК.

В последнее десятилетие во всех странах стали хорошо заметны точки перегиба повышательного ранее тренда и смена его понижительным [30. С. 11]. Чтобы увидеть изменения, произошедшие в социально-экономической системе капитализма, сравним их с основными характеристиками КСК, которые мы назвали «три основания» или «три кита КСК»:

– *Развитие.* *Внешним стимулом* для развития и преобразования производственного процесса на каждом предприятии является *свободная рыночная конкуренция.*

– *Рост.* *Внутренним стимулом* роста индивидуального, а вместе с ним и общественного производства является возможность *накопления капитала* путем капитализации прибавочной стоимости.

– *Взаимодействие*. Координация деятельности экономических субъектов в масштабе всего народного хозяйства, основанная на *автоматическом стихийном рыночном механизме*.

Все эти *признаки капитализма* (свободная конкуренция, накопление капитала и автоматический рыночный механизм) подверглись существенной деформации в направлении их отрицания, превращения в свою противоположность

Причина – утрата ряда рыночных элементов в современной экономике. Свободные, естественные рыночные отношения превратились в нерыночные и антирыночные отношения. Остаточные элементы рыночных отношений вместо главенствующей роли стали играть второстепенную роль в экономике. Вместе с этим изменился характер капитализма и самого капитала.

Важнейшие изменения состояли в следующем. Главное: в результате монополизации экономики уничтожена свободная конкуренция [1. С. 7]. В процессе преобразований производственных отношений произошли, можно сказать, тектонические сдвиги. Монолитная, стоящая на трех китах система КСК разделилась на три части, «стоящие на других китах». Первая – это монополизированная часть, монополизированный сектор экономики. Вторая – государственный сектор экономики. Третья – немонополизированный сектор, сектор аутсайдеров, который в основном состоит из малых и средних предприятий (МСП). Кроме того, беспредельно расширилась роль государства в управлении экономикой.

О перестройке существующей модели капитализма. В названии ГМК (государственно-монополистический капитализм) на первом месте стоит «государство». Однако, если ранжировать государство и частные монополии по их месту и роли в обществе, то на первое место, безусловно, следовало бы поставить монополию, ибо именно она играет главную, ведущую роль в формировании и развитии современной социально-экономической системы, в том числе и государственной политики. К сожалению, в общественном мнении (научном и обыденном) абсолютно преобладает представление о том, что темпы роста экономики, технологический прогресс, уровень жизни народа, социальное неравенство и др. обусловлены не отсталыми, обремененными монополизмом производственными отношениями, а *государственной властью* и ее отдельными представителями, разрабатывающими госпрограммы и нацпроекты [6]. По нашему мнению, это – проявление субъективизма. Такое представление о материальной стороне жизни общества – утопия, которую можно определить, как веру в «хорошего царя» и его «хорошую политику». Эту ошибочную позицию поддерживает и само государство, пытаясь своими государственными рычагами все больше и больше искусственно навязывать обществу искусственно придуманные отношения по поводу производства, обмена, распределения и потребления благ и услуг [14. С. 72–73].

На почве видимости всесильия государства и происходит жесткая дискуссия между «левыми» и «правыми» теоретиками и политиками о «наиболее адекватных и эффективных способах социальной организации, институтов и государственной политики» [23. С. 49] (от роста экономики до создания справедливого общества). Однако, ни одна из существующих или предлагаемых различными сторонами дискуссии разновидностей политики (суть которых состоит в различных формах и направлениях искусственного, насильственного государственного вмешательства в экономику), несмотря на их благие намерения, не будет иметь положительного результата. Ибо основные общественные проблемы порождены не политикой, не надстройкой. Возможно, государственная власть повторяет ошибку Мао Цзэдуна, который «поставил экономику в зависимость от радикальной политики» [15. С. 40]. «Хорошей» экономической политики, которая бы решала бесконечное множество экономических и социальных проблем в жизни стран не существует. Экономика функционирует по своим, отличным от политики объективным законам.

Для государства в структуре общественно-экономической формации есть особое место, называемое надстройкой. Когда капиталистическое государство искусственно ломает, уродует структуру (скелет) формации, вклиниваясь в экономику, и начинает выполнять функцию базисных, объективных экономических законов (что само по себе нелепо), возникает впечатление, что государство всесильно и может сделать в экономике все что угодно. Однако это ложное впечатление. Капитализм основан на частной собственности на средства производства. Решение внутренних проблем предприятия и выстраивание внешних отношений с поставщиками и покупателями – это прерогатива собственников (капиталистов) и руководителей предприятий. При тоталитарном режиме отношения между предприятиями в основном регулируются государством. В рыночной, капиталистической экономике самими капиталистами и экономикой в целом может и должен «управлять», по крайней мере, в основном, рынок.

Созданная в настоящее время модель экономики – ГМК (не только в России) – искусственная конструкция, в которой, во-первых, монополии используют антирыночные инструменты в отношениях с другими экономическими субъектами и государством, во-вторых, она во многом повторяет основные черты советского социализма. Рыночные регуляторы отодвинуты монополиями и государством на второй и третий план. Такая искусственная экономика какое-то время может по инерции, набранной классическим капитализмом, существовать, но она нежизнеспособна. Обязательно наступает время, когда объективные экономические законы проявят свою, так сказать, природную силу. Хозяйственные монополии и государственная экономическая монополия, действуя вопреки экономическим законам (а они практически всегда не будут

соответствовать объективной необходимости), ведут и приведут экономику к стагнации, а население к росту бедности и нищеты.

«Сегодня все чаще встает вопрос об исчерпании жизненной силы капитализма и возможном переходе общества к новому, более цивилизованному строю». Однако «ответить на вопрос, как будет выглядеть будущее общество, невозможно с убедительной достоверностью». [12. С. 16]. Наука может выявлять отдельные признаки увязания, загнивания капитализма. Но знание существенных черт будущей социально-экономической системы науке недоступно. Дж.К. Гелбрейт полностью поддерживал этот тезис: «известную величину невозможно получить из суммы неизвестных величин...Так всегда было и так всегда будет» [8. С. 58; см. так же 27. С. 108–110; 26. С. 82]. По признакам загнивания и умирания феодализма нельзя было представить себе капитализм и его черты. При капитализме нельзя представить себе черты будущего общества. Даже гениальный К. Маркс, выступавший за уничтожение капитализма, «не задавался (и не мог задаваться – Ю.Л.) вопросом о политическом и экономическом устройстве общества, в котором частная собственность будет полностью уничтожена» [23. С. 28]. В то же время, очевидно, переход к посткапиталистическому обществу пока не назрел.

На первый план выдвигается выбор вариантов оптимального будущего своей страны [26. С. 83; 2. С. 23]. Главной неудачей глобализации стало то, что она не смогла выработать общую модель экономического развития даже для большинства ведущих мировых держав. [30. С. 6]. Поэтому, как нам представляется, можно и нужно сохранить капитализм, но построить его иную модель, которая бы имела многие ныне утраченные прогрессивные черты КСК. КСК многократно превосходил современную экономику по темпам преобразования производительных сил (великая промышленная революция) и темпам роста экономики [23]. Задача построения такого «обновленного капитализма» состоит в том, чтобы очистить экономику от тех негативных антирыночных, антикапиталистических наслоений, которые образовались после исчезновения КСК. Сегодня – это монопольная власть, господство на рынке одной организации над другими (хозяйственная монополия) и государственная монополия на управление и безвозмездное и бесконтрольное присвоение прибавочной стоимости производственных организаций. Место рыночной конкуренции заполняют отношения псевдорыночной конкуренции (контроль монопольных цен и т.д.) и нерыночной конкуренции (от использования государственной власти до физического устранения конкурентов). Кроме того, как будет показано ниже, монополии препятствуют *образованию капитала* и вместе с ним блокируют мощную энергию экономического роста и прогрессивного развития капитализма.

Гипотеза о превращении капитала в псевдокапитал. То, что экономическая монополия «ухудшает» условия функционирования капитала подавляя,

отрицая свободную конкуренцию — непреложный, давно доказанный факт. Еще одним важнейшим негативным последствием господства монополии является выхолащивание *сущности капитала*, превращение действительного капитала в неполноценный капитал, в *псевдокапитал*.

Понятие «капитал» возникает при капитализме. В «Экономикс», например, капитал рассматривается как вещь или как категория запаса (богатства) [4. С. 90]. «Под капиталом понимается совокупность не человеческих активов... Капитал включает в себя всю совокупность недвижимого капитала (здания, дома), используемого для жилья, и финансового и профессионального (строения, оборудование, машины, патенты и т.д.), используемого предприятиями и управленческим аппаратом» [23. С. 61]. В марксистской политэкономии, идеи которой мы разделяем, капитал — не вещь, а определенное производственное отношение. Это значит, *во-первых*, что в обществе имеются отношения между капиталистами и наемными работниками, где капиталисты с помощью принадлежащих им средств производства эксплуатируют наемных работников, т.е. ставят своей целью *производство и присвоение прибавочной стоимости*. Если таких отношений и такой цели нет, то считать средства, вложенные в производство, капиталом нет оснований.

Обычно в политэкономии определение капитала ограничивается тем, что «капитал это самовозрастающая стоимость». Однако такое определение, по нашему мнению, односторонне, и фиксирует только одну из двух сторон сущности капитала, а также лишь *промежуточную цель* капитала. Так, если владелец денег, получая прибавочную стоимость, направляет ее на личное потребление, накопление сокровищ или на другие цели, не связанные с расширением и совершенствованием производства, то он не становится капиталистом, а его деньги не превращаются в капитал. Авансированная сумма должна увеличиваться в размере за счет собственной прибыли, т.е. происходить самонакопление капитала. Отсутствие самонакопления свидетельствует о том, что конечная цель капиталиста не достигается. Поэтому, *во-вторых*, *высшая цель* капиталиста как персонифицированного капитала состоит не в разовом самовозрастании капитала, не в сбережении сокровищ, а *в постоянном, бесконечном (без внешних источников) приумножении размеров капитала*. «Развитие капиталистического производства делает постоянное возрастание вложенного в промышленное предприятие капитала необходимостью» [20. С. 606]. Это экономический закон. Здесь самовозрастание капитала (извлечение прибавочной стоимости) является не целью, а лишь средством роста самого капитала путем его постоянного *производственного накопления*.

Таким образом, именно единство двух ипостасей — *самовозрастание* и *самонакопление* — делает авансированную сумму настоящим капиталом. Любые средства (ресурсы) вложенные в бизнес, когда при этом не преследуются эти

две цели одновременно, нельзя назвать капиталом, и они заслуживают определения «мнимый, мифический, ложный капитал» или *«псевдокапитал»*.

Здесь важно сравнить фигуру капиталиста, обладающего индивидуальным частным капиталом, и псевдокапиталиста. Во-первых, капиталист обладает ненасытной жадой роста производственного капитала путем капитализации «своей» прибавочной стоимости. И чем выше норма прибыли, тем больше жажда превращается в страсть и, более того, в одержимость. Во-вторых, основным средством победы в конкурентной борьбе является рост эффективности производства. Поэтому предпринимательское творчество капиталиста постоянно направлено на максимизацию эффективности производства (в том числе, конечно, и максимальное использование труда наемных работников в форме как повышения степени эксплуатации, так и интенсивности их труда). В-третьих, капиталист, как правило, способен на риск в деле технологического совершенствования производства, перехода на производство нового вида продукции и других преобразований. Все эти качества капиталист использует для роста своего капитала. Совокупность этих качеств индивидуальных капиталистов порождает, можно сказать, *индивидуальную энергию роста капитала*. Всеми такими качествами одновременно, по нашему мнению, руководители большинства современных предприятий всех секторов экономики не обладают.

С точки зрения норм морали индивидуальный интерес капиталиста, проявляющийся в виде жадности наживы, стяжательства подлежит осуждению [12. С. 7]. Однако особенность настоящей рыночной экономики состоит в том, что попрание норм морали, работа в собственных эгоистических интересах отдельными индивидами приносит неопределимую пользу обществу, всем гражданам страны [14. С. 132]. Так, например, «невидимая рука» Адама Смита – эгоистичное поведение производителей ведет не к хаосу, а, наоборот, к общественному порядку, и потребности общества удовлетворяются наилучшим образом. Еще одно замечательное свойство рынка. Личная жажда обогащения каждого индивида-капиталиста своим конечным результатом имеет не только собственное обогащение и обогащение всего класса капиталистов, но и быстрый рост общественного производства, и, следовательно, улучшение материального положения всех граждан, повышение конкурентоспособности и авторитета страны в мире.

При конкурентном капитализме, где все руководители предприятий – капиталисты, индивидуальное стремление к росту капитала, «творческий потенциал капитализма, его бурлящая энергия» [15. С. 61] преобразуются в *социальную энергию роста общественного производства*.

Индивидуальную и социальную энергию роста можно наблюдать не только при капитализме. Так, например, было в СССР в годы первых пятилеток, когда люди искренне верили, что они работают на себя и на свое общество,

и что скоро наступит коммунизм, они проявляли чудеса трудового героизма, а среднегодовые темпы роста промышленности были более 15%. Подобное наблюдалось и в тылу во время войны. Индивидуальную энергию роста можно было наблюдать в СССР у генеральных и главных конструкторов самолетов до того, как наше правительство лишило их возможности управлять движением материально-финансовых потоков, процессами создания и модификации изобретенных ими самолетов, вертолетов, ракет и т.д. Ранее они пестовали свои детища, как капиталисты свой капитал. Теперь функции управления передали менеджерам, которые, кроме того, как правило, не имеют инженерного образования. Результат этого решения правительства, конечно, оказался печальным. Россия утратила значение великой авиационной державы.

К сожалению, в современной экономике почти все, что называют капиталом, на самом деле таковым не является, не обладая энергией роста. Капитал превращается в псевдокапитал по разным причинам во всех трех частях экономики: монополистическом, государственном и монопольном секторе. Рассмотрим их по отдельности, исходя из приведенного выше определения капитала, с учетом двух его сторон, двух его ипостасей.

Начнем с монопольного сектора. В нем занято подавляющее количество фирм. Имеются в виду, прежде всего, малые и средние предприятия, в которых заняты до двух третей всей рабочей США и Европы [13. С. 163; 10. С. 15]. Авансированные ими средства нельзя назвать капиталом потому, что предприниматели не могут достичь ни одной из двух целей – получать созданную ими прибавочную стоимость в форме средней прибыли, и возможность, поэтому, использовать ее для производственного накопления и расширения своего производства. МСП «часто не обеспечены достаточными собственными ресурсами развития, страховыми резервами» [3. С. 51]. Конечно, жажда прибыли (первая ипостась капитала) у предпринимателей есть, но всю прибыль получать они не могут. Дело в том, что прибавочная стоимость на этих предприятиях производится, но *их* прибылью она не становится. Во-первых, часть прибавочной стоимости МСП превращается в сверхприбыль монополий и, во-вторых, в виде налогов и платежей уходит государству. В России за последние 5 лет среднестатистическая норма прибыли (монополий и аутсайдеров) была в пределах 6–7%¹. Отсюда легко можно сделать вывод, что норма прибыли аутсайдеров стремится к нулю. Но «снижение уровня доходности капитала ... уничтожает механизм накопления» [23. С. 28]. Капитал при таких условиях уже не может генерировать энергию роста и превращается в инертный, бесплодный псевдокапитал. В данном секторе экономики теряется и индивидуальная, и социальная энергия роста, присущая капиталу и капитализму. Например, «люди утрачивают стремление добиваться успеха, потому что платят много налогов» [29. С. 96]. Широко известно высказывание К. Маркса:

¹ Рентабельность по отраслям по данным Росстат. URL: <https://rosinfostat.ru/rentabelnost/>

«Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым...». [20. С. 770]. И чем больше норма прибыли, тем смелее, энергичнее и бесстрашнее становится капитал. И наоборот. В монопольном секторе смелость и энергия возрастания капитала вместе со слишком маленькой прибылью стремятся к нулю. Производство перестает быть капиталистическим. Предпринимателей нельзя в полном смысле слова назвать капиталистами. Это «мелкая буржуазия». А производство в этом секторе — не капиталистическое, а мелкотоварное. Наличие огромной доли МСП в народном хозяйстве и такая система распределения прибавочной стоимости свидетельствуют о ее порочности.

Псевдокапитал (уже не капитал) может использоваться только для выживания, а не для обогащения капиталистов и не для процветания общества. Государственная материальная помощь МСП в любых формах не превращается в капитал, так как она *не может накапливаться* до такой величины, чтобы быть вложенной в развитие и расширение производства. Но именно только собственная прибыль может служить источником производственного накопления (самонакопления капитала). Китайские ученые утверждают, что предоставление предприятиям «возможности сохранять у себя прибыль являлось самой важной частью экономической перестройки» [15. С. 73]. Показательным примером того, как присвоение предпринимателями своего прибавочного продукта влияет на рост производства, показала НЭП. Когда существовала продразверстка, в рамках которой у крестьян изымалось до 80% всей сельскохозяйственной продукции, производство расти и развиваться не могло. Когда она была заменена продналогом (изымалось 30% продукции, излишки крестьяне могли продавать) [19. С. 9–10], производство стало расти «как на дрожжах». Сегодня изъятие государством и монополиями прибыли МСП очень похоже на продразверстку. Можно со 100-процентной уверенностью утверждать, что если вместо «налоговой разверстки» сегодня внедрить «обоснованный налог» в монополизированном секторе, то производство во всех отраслях возрастет так же быстро, как развилось сельское хозяйство при НЭПе.

Не лучше положение и в крупных монополизированных предприятиях, которые испытывают на себе давление монополий и государства. Это значит, что более трети этой части экономики не обладает капиталом и не имеет ни возможности, ни стимулов к развитию. Если преобразовать экономические отношения так, чтобы основной объем прибавочной стоимости данного сектора превращался в их прибыль, а не присваивался монополиями и государством, то возникла бы рыночная конкуренция и инструмент конкуренции — капитал. Тогда вместо огромного числа примитивных МСП в результате мощной конкуренции образовалось бы значительно меньшее число более крупных эффективных капиталистических предприятий, нацеленных на рост капитала

и развитие производства. Тогда можно было бы ожидать энергичного роста экономики.

В монополизированной части госсектора (в государственных предприятиях) положение с эффективностью не лучше, а, может быть, даже хуже, чем в секторе МСП. Прежде всего, классический капитал образуется на основе частной собственности на средства производства. Там собственниками являются капиталисты. Здесь же форма собственности государственная. Можно ли представить себе само государство капиталистом, преследующим цели эксплуатации наемных работников с целью присвоения прибавочной стоимости, увеличения прибыли, накопления государственного капитала в его собственных интересах, даже в ущерб материальному положению населения? Нет. Значит, капитала как такового в государственном секторе нет. Очевидно, что жажда прибыли и личного обогащения в социальном смысле у частных фирм несравнимо выше стремления к выполнению государственных заданий. А раз нет жажды прибыли и обогащения, то в госсекторе нет той социальной энергии роста производства, которую демонстрирует капитал, в частности в КСК. И вообще, деятельность государственных производственных предприятий не укладывается в логику рыночной капиталистической экономики.

Наконец, третий сектор экономики — монополистический. Надо иметь в виду, что все предприятия в этом секторе являются акционерными обществами, в них нет *индивидуальных частных капиталов*, но именно о них речь шла выше. В этом отношении «акционерный капитал» имеет существенные отличия от индивидуального капитала. Поэтому рассмотрим сначала, является ли «акционерный капитал» полноценным капиталом, а акционеры — полноценными капиталистами.

Во-первых, акционеры, как правило, не занимаются предпринимательским творчеством, во-вторых, они не несут личной неограниченной ответственности, как настоящие капиталисты. Это — инвесторы. А к такому роду предприятиям относятся и смешанные государственно-частные предприятия. В их интересах, конечно, чтобы прибыль была большой и увеличивалась, но сами они нередко мало что понимают и мало что могут сделать в реальном бизнесе, поэтому вынуждены доверять дела управления менеджерам. У этих людей (акционеров) не может быть той «социальной энергии», *духа предпринимательства*, которая необходима в условиях свободной рыночной конкуренции, жесткой, беспощадной борьбы с другими предпринимателями. Они не могут дать импульс движению экономике. От них не зависит и движение общества вперед. Свое неприязненное отношение к акционерам (очевидно — мажоритарным) за их мизерную роль в предпринимательстве в отличие от опытных менеджеров выразил Т. Пикетти, назвав их «толстобрюхими акционерами». [23. С. 40]. Таким образом, несмотря на ряд позитивных моментов в организации и техническом оснащении в АО, нет «колоссального потенциала

адаптивности, умения изменяться в ответ на меняющиеся характеристики среды» [3. С. 52]. Они существенно проигрывают классическим капиталистическим предприятиям в предпринимательской активности акционеров. При чем «акционерный капитал» (сумма инвестиций акционеров) превращается в псевдокапитал не капиталистов, а псевдокапиталистов.

Известна роль и значение менеджеров в АО. Менеджеры, исполняя функции предпринимателей, не могут быть подобны капиталистам, так как не являются частными собственниками средств производства. Поэтому они не рискуют своим капиталом. Поскольку менеджеры не капиталисты у них отсутствует и индивидуальная жажда «своей» прибыли, и высшая цель капиталиста — стремление к накоплению «своего капитала». Их «социальная активность» несравнима с активностью индивидуального предпринимателя, капиталиста.

Если акционерные общества проигрывают классическим капиталистически предприятиям в эффективности производства, то монополии существенно уступают в этом даже простым АО. Более того, действия монополий противоречат общественным интересам [14. С. 75]. Признаки загнивания и паразитизма монополистического капитализма достаточно подробно раскрыл В. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». Это, кстати, отмечают и все современные учебники по экономической теории. Низкая эффективность и негативная роль монополий в России подтверждается сегодня на практике [9. С. 40–52]. Хозяйственные монополии — это абсолютное зло, антиблаго для общества. Иногда (для оправдания монополий) ссылаются на то, что у них высокая научно-техническая оснащенность и высочайшие возможности производства, которых нет в других секторах экономики. Однако проблема сегодня, собственно, не в технике, а в том, в чьих руках она находится. В руках монополий она используется неэффективно. В руках же индивидуальных капиталистов она бы работала на полную мощность, и кроме того, постоянно подвергалась бы совершенствованию. Не высокие технологии, не степень развития современных технологичных производств, определяют ныне движение вперед, а общественная система, которая, к сожалению, порочна [21. С. 6].

Несмотря на очевидный вред монополий, российское правительство не только не борется с ними, но, наоборот, пестует их. «Экономические и политические решения принимаются в интересах в первую очередь крупнейших предприятий (монополий — Ю.Л.) при попрании интересов остальных» [24. С. 151]. Показательным примером заботы государства о монополиях являются так называемые системообразующие предприятия (СОП). За этим «солидным» названием кроется в чистом виде хозяйственная монополия. Так, по определению СОП — «предприятие, отвечающее критерию — значимость производимой продукции и оказываемых услуг для жизнеобеспечения той или

иной территории или функционирования той или иной отрасли»². Здесь под выражением важная или «значимая продукция» завуалировано выражение: продукты или услуги, которые больше в данной отрасли или на данной территории никто не производит, т.е. у данной продукции нет заменителей. А это означает, что у СОП нет конкурентов. Но это ведь чистая монополия. Далее: старинная натяжка о том, что «одно рабочее место в этой отрасли генерирует по всей технологической цепочке шесть-восемь рабочих мест в смежных отраслях»³ не выдерживает критики. Ведь несколько конкурентных предприятий данной отрасли или территории вместо монополий обеспечивали бы точно такое же количество рабочих мест в других отраслях. Более того, конкурентные предприятия, имея высокие темпы роста и развития, вызывали бы дополнительный спрос на ресурсы, производимые в других отраслях, в том числе на рабочую силу.

Наконец, проблема государственной монополизации управления экономикой. Она состоит в следующем: является ли монополизация государством управления экономикой мерой объективно необходимой и прогрессивной или наоборот? Есть ли границы государственного вмешательства в экономику?

Довольно убедительной, на первый взгляд, выглядит точка зрения лауреата Нобелевской премии Р. Коуза. Кратко ее можно охарактеризовать так. Иногда в процессе общественного воспроизводства возникают, негативные моменты (падение темпов роста экономики, кризисы, замедление технологического прогресса, рост имущественного расслоения граждан и др.). Часто эти негативные процессы объясняют плохой работой рынка. Тогда на помощь рынку приходит государство, которое начинает исполнять некоторые функции рынка по регулированию экономики. Когда количество таких функций невелико, государство оказывает реальную помощь экономике. Но если количество этих функций становится слишком значительно, то общий результат его деятельности становится отрицательным, т.е. оно приносит больше вреда, чем пользы. И дальше Коуз логично полагает, что «исправить эту ситуацию можно только путем сокращения активности правительства в экономической сфере» [14. С. 72], и передачи ряда функций управления рынку. В России, где «сохраняются, хотя и в усеченной форме, отношения, которые существовали в советский период» [25. С. 100], политическое руководство и многие ученые считают, например, что «диспропорции являются естественным следствием действия рыночного механизма» [4. С. 90]. Заметим, что в противовес этому Китаю, который более тридцати лет лидирует в мире по темпам экономического роста, особое внимание уделяет самоорганизации и частному предпринимательству, широко использует «рыночные механизмы для повышения народного благосостояния за счет роста производства и инвестиций» [16. С. 35].

² <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1628435>

³ <https://www.rbc.ru/economics/03/09/2020/5f50f1f69a794709462b7f16>

Поэтому расширить возможности рынка трудно, так как такое действие противоречит преобладающим настроениям. Вместо этого государство, для исправления положения, принимает на себя еще больше функций управления. Последствия этого следующие: «правительство начинает хуже справляться с тем, что оно уже делает, продолжающееся расширение роли государства приведет нас к ситуации, в которой большая часть мероприятий правительства приносит больше вреда, чем пользы» [14. С. 73]. В целом результат вмешательства государства в экономику отрицательный.

Если на картину, нарисованную Коузом, наложить политику российских властей в области экономики, то они полностью совпадут. С каждым последующим плановым периодом стратегии, целевые программы, указы и т.д. исполняются все хуже и не способствуют, а препятствуют росту экономики. Последний (по времени) крупный штрих в российской картине сделал вице-премьер Ю. Борисов на Столыпинском форуме (03.09.2020.), где он предложил пересмотреть и усилить роль и место государства в экономике, так как «никто, кроме государства, сегодня реально не может обеспечить динамичный выход из ситуации»⁴, связанной с кризисом. Обосновывает он это тем, что «государство — крупнейший игрок на рынке и поэтому должно диктовать свою волю в интересах своих производителей и поддерживать их» [Там же].

Коуз считает, что решить рассматриваемую проблему легко, «достаточно порекомендовать ограничение любых видов деятельности правительства» (С. 73). Трудность состоит лишь в том, какие функции оставить правительству, а какие «передать» рынку. Однако, как бы ни была заманчиво простой и казалась бы правильной гипотеза Коуза и его предложение о решении проблемы, она не учитывает важнейшей особенности современной экономики. Эта важнейшая особенность, в отличие от классического капитализма, состоит в том, что в современных странах *нет нормального рынка*. Нормальные рыночные отношения, свободная рыночная конкуренция подавлены (можно даже сказать задавлены) монополией. При таком давлении на рынок всех видов монополии он не может выполнять никакие функции по регулированию экономики. Если ограничить виды деятельности правительства в экономике (при условии, что рынок не может заменить государство), эти функции возьмут на себя монополии, подомнут под себя всю экономику. В конце концов, монополии погубят экономику. Поэтому при сохранении современной модели экономики государству ослаблять контроль над экономикой нельзя.

Нынешний этап мирового развития характеризуется усиливающимися различиями между моделями экономики разных стран, наличием лабиринта противоречивых трендов, высоких рисков и сложных вызовов [30. С. 6]. Как бы ни были сложны эти проблемы, они не идут ни в какое сравнение с тем, что экономическая система современного капитализма стран мира в своем

⁴ <https://www.rbc.ru/economics/03/09/2020/5f50f1f69a794709462b7f16>

развитии *зашла в тупик*. Она *утратила способность к росту производства*. «Серьезной и все более трудно разрешимой проблемой становятся в наше время затруднения в реализации производимой продукции в общенациональном и мировом масштабах» [12. С. 18; 28. С. 73]. Для современных предприятий теряется смысл в накоплении капитала, так как с каждой порцией дополнительных инвестиций в производство норма прибыли понижается. И это не в далекой перспективе, это не тенденция нормы прибыли к понижению, о чем писал К. Маркс, а проблема текущего периода. «В богатых странах сбережений и капитала так много, что не имеет смысла строить еще одно здание или устанавливать еще одну машину на фабриках (в таких случаях говорят, что предельная производительность капитала, т.е. дополнительное производство, обеспеченное новой единицей капитала, на пределе, очень низка)». [23. С. 84]. Низкий уровень корпоративных инвестиций сдерживает высокие темпы роста [5. С. 6]. Единственную возможность производительного применения дополнительного капитала Т. Пикетти видит в экспорте сбережений в бедные страны. Значит внутри современных стран огромные сбережения (имущество, деньги, ценные бумаги и т.д.) – псевдокапитал и прибыль не могут превратиться в реальный капитал. Отсюда и затянувшаяся более чем на десятилетие хозяйственная рецессия. [11. С. 18].

В экономике с конца 19 века стала образовываться своеобразная институциональная ловушка. Монополии приносят больше прибыли, чем конкурентное предприятие, но они стали распространяться, а затем и господствовать. С начала 20 века монополии стали тормозить рост производства. Помощь государства вначале давала положительные результаты, поэтому его роль в экономике все расширялась, а роль рынка сужалась. С определенного момента оно стало приносить больше вреда, чем пользы, но отказаться от активности государства и возратить часть функций управления экономикой рынку оказалось невозможно. Настоящий капитал превратился в псевдокапитал. В отсутствии капитала экономика не только российская, но и мировая, оказались в тупике стагнации [22. С. 185; 7. С. 66; 28. С. 73]. Это может свидетельствовать не только об экономическом кризисе, но и о кризисе экономической системы, которая подошла к такой точке, где накопление капитала (не сокровищ) и расширенное воспроизводство *объективно* становятся невозможными. Поэтому обществу не помогут самые лучшие стратегии, программы, указы власти.

Вместе с невозможностью роста производства монополии подавляют и социальную энергию роста, присущую капиталу. В частности, в России, стране, имеющей богатейшие ресурсы, нет только важнейшего из них – *капитала*, потому что капитал в процессе развития и трансформации экономической системы превратился в псевдокапитал, не способный оживлять другие ресурсы. Понятно, что для повышения темпов роста экономики необходимо, прежде всего, побудить работников к высокоинтенсивному труду. Кроме того,

необходимо значительное, возможно, *кратное увеличение объема труда* в реальной экономике путем вовлечения в капиталистическое производство представителей МСП, самозанятых, избыточных работников управленческого аппарата и т.д. Одним словом, чтобы много производить и много получать нужно всем больше, эффективнее и напряженнее работать. Псевдокапитал не обладает той степенью деловой активности, которая необходима для эффективного использования имеющихся ресурсов общества (в частности, увеличения интенсивности труда) не только для сохранения величины ВВП, но и для его ускоренного роста. Эту задачу способны решить индивидуальные частные капиталы и капиталисты-предприниматели.

Чтобы предприниматель был еще и капиталистом, во-первых, нормальному среднему предпринимателю нужно иметь возможность получать объем прибыли не меньше средней прибыли (при средней норме прибыли). Во-вторых, он должен постоянно находиться в творческом напряжении, в поиске, который в рыночной экономике поддерживается свободной конкуренцией. Это естественные условия существования капитала. Но этих условий во всех трех частях современной экономики, особенно в России, нет.

Несомненно, что в любой стране есть много граждан, у которых имеются деловые предпринимательские способности, благо, «чтобы добиться успеха в коммерции, человеку не нужен диплом школы делового администрирования» [27. С. 106]. Если бы у них была реальная возможность самореализации, они могли бы стать хорошими предпринимателями-капиталистами, которые могли бы эффективно вести хозяйство для получения прибыли на всей территории, во всех уголках страны и во всех сферах производства или торговли. Но открыть свой бизнес в реальной сфере экономики, стать настоящим капиталистом не может практически ни один гражданин, не зависимо от имеющейся у него суммы денег.

И в старых странах условного Запада, с моделью ГМК, и в России капиталу довольно сложно найти место в реальной экономике. Широко известен один из редких случаев. Свою нишу в частном, причем крупном бизнесе успешно нашел американец Илон Маск. Но это, понятно, не правило, а исключение. Никакие прорывные технологии в ведущих отраслях, ни какие искусственно создаваемые точки роста в крупных и крупнейших городских агломерациях [18. С. 142] не станут драйверами экономики, если дух предпринимательства не проникнет *во все* поры экономики. Современная экономическая модель не дает деньгам и имуществу граждан возможности превратиться в индивидуальный частный капитал. Монополиями и государством выстроен забор из *непрístupных барьеров*, в котором индивидуальному частному капиталу трудно найти нишу для инвестирования в реальную экономику.

Таким образом, монополизм современного общества породил такую систему, в которой индивидуальному частному капиталу и настоящим предпринимателям вход в реальную экономику практически закрыт.

Остается открытым один широкий коридор для не очень прибыльного размещения крупных сумм денег – в *спекулятивную сферу* современной экономики [17; 12. С. 15; 30. С. 9]. Это вложения в коммерческие банки, в акции, облигации с целью получения дивидендов и процентов. Наиболее предприимчивые и рискованные граждане активно могут заниматься спекуляциями на фондовой и валютной бирже, а также спекуляциями недвижимостью, майнингом криптовалюты, игре на деньги и т.д. И если вы попытаетесь получить консультацию в интернете о том, куда прибыльно вложить деньги, вам предложат выбор именно из указанного списка. Поскольку свободным деньгам деваться некуда, кроме спекулятивной сферы, постольку в нее притекает громадное количество денег страны. Денежная масса страны разделилась на две неравные части: менее одной ее четверти обслуживает реальную экономику, более трех четвертей находится в спекулятивной сфере [17]. Кроме этого, некая сумма денег, которую «девать некуда», используется в виде непомерного личного паразитического потребления или накопления сокровищ в разных формах богатыми людьми страны.

«Россия не быстро, но неуклонно приближается к рубежу, когда ей придется делать выбор пути своего дальнейшего развития», «либо подчиниться силе инерции, бездумно двигаться по проложенной колее, либо решительно отладить по-новому модель нашего общества» [21. С. 5]. Понимая, что современная модель экономики может только деградировать и не может развиваться, выбора не остается – нужно менять модель экономики.

Если наша гипотеза верна, то для того, чтобы экономика страны начала развиваться ускоренными темпами, нужно так реформировать экономику, чтобы преодолеть, ликвидировать указанные барьеры для внедрения индивидуального частного капитала в реальную экономику. Другими словами, нужно создать наиболее благоприятные условия для того, чтобы деньги не утекали в спекулятивную экономику, в сокровища, за рубеж и т.д., а оставались бы в реальной экономике своей страны. Тогда и те деньги, которые сейчас обслуживают спекулятивные операции, тоже потянутся в реальную экономику, превратятся в эффективный производительный капитал, потому что норма прибыли (даже по теории) в реальной экономике значительно выше, чем в спекулятивном секторе. Для этого нужен не бесконечный перебор различных вариантов государственной политики, а серьезные реформы в экономике с целью создания немонополистической рыночной модели.

Главная общая цель реформ – ликвидация монополизма в сфере экономики. В том числе, прекращение игры в антимонопольную политику, а объявление борьбы за ликвидацию и законодательный запрет частных и государственных хозяйственных монополий (конечно, без передела доходов и имущества) и замена их другими организационными формами. Вслед за этим надо упразднить государственные монополии и монополию государственного

управления экономикой. Эти меры создадут благоприятные условия для развития частного капитала и предпринимательства, освободится подавленная ныне монополией свободная конкуренция, заработает рыночная координация деятельности экономических субъектов. Восстановится нарушенная целостность системы, каковой она была при КСК. Последствия этих мер будут, конечно, жесткими для работников и других слоев населения (капитализм есть капитализм). Однако современный мир далеко ушел от КСК. Государство накопило громадный опыт влияния на экономику, в том числе на социальные отношения путем перераспределения национального дохода.

Литература

1. *Астапов А.* О трансформации экономической политики в условиях кризиса 2020 г. // Общество и экономика. 2020. № 11. С. 5–20.
2. *Бессонова О.Э.* Институциональная дилемма современной России // Экономическая наука современной России. 2018. № 4(83). С. 2–56.
3. *Брижак О.В., Ермоленко А.А.* Стратегические аспекты конформирования корпоративного капитала российской экономики // Экономическая наука современной России. 2018. № 3(82). С. 48–61.
4. *Букина И.С., Одинцова А.В., Ореховский П.А.* Богатство российских регионов и эффективность государственного управления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 4. С. 89–112.
5. *Варнавский В.* Драйверы мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 7. С. 5–16.
6. *Винслав Ю.Б.* 2019-Й: О нейтрализации сохраняющихся угроз народнохозяйственному развитию на основе совершенствования ряда инструментов госрегулирования экономики // Российский экономический журнал. 2019. № 1. С. 3–30.
7. *Глазьев С.Ю.* Битва за лидерство в XXI веке. Россия – США – Китай. Семь вариантов обозримого будущего. («Коллекция Изборского клуба») // М.: Книжный мир. 2017. 352 с.
8. *Гэлбрейт Дж.К.* Экономика невинного обмана: правда нашего времени // М.: Изд-во «Европа». 2009. 88 с.
9. *Дмитриева О., Ушаков Д.* Инфляция спроса и инфляция издержек: причины формирования и формы распространения // Вопросы экономики. 2011. № 3. С. 40–52.
10. *Заболоцкая В.* Государственные программы поддержки малого бизнеса в США // МЭиМО. 2019. Т. 3. № 12. С. 15–22.
11. *Капканщиков С.* Структура государственных расходов и экономический рост // Общество и экономика. 2020. № 7. С. 18–31.
12. *Князев Ю.* Можно ли распознать черты будущего в настоящем? // Общество и экономика. 2020. № 1. С. 4–21.
13. *Константиниди Х.А., Сорокожердьев В.В., Хашева З.М.* Актуальные аспекты реализации стратегии модернизации России: поиск модели эффективного хозяйственного развития // Экономическая наука современной России. 2018. № 4(83). С. 161–164.
14. *Коуз Р.* Очерки об экономической науке и экономистах / пер. с англ. М. Марков; науч. ред. Д. Расков // М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения»; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. 2015. 288 с.
15. *Коуз Р., Ван Н.* Как Китай стал капиталистическим / Пер. с англ. // М.: Новое издательство, 2016. 386 с. (Библиотека свободы).

16. *Кохно П., Енин Ю.* О закономерностях развития мировой экономики // Общество и экономика. 2020. № 10. С. 5–36.
17. *Лиференко Ю.* Новый взгляд на денежные резервы и их роль в реальной экономике // Финансы и кредит. 2014. № 37(613). С. 42–53.
18. *Маевская Л.И.* Точки роста в государственной политике развития страны: основные понятия и тенденции развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 142–157.
19. *Маричев С.* Проблема реализации социально-экономической модернизации России и «эффект колеи» // Общество и экономика. 2020. № 6. С. 5–24.
20. *Маркс К.* Капитал / Т. 1. Соч. изд. 2. Т. 23 // Москва. 1955. 907 с.
21. *Микульский К.* Вопросы к нашему будущему // Общество и экономика. 2020. № 12. С. 5–8.
22. «Общая теория ноономики» – учебник для изучающих современные проблемы техно-социо-экономических трансформаций. Рецензия на учебник С.Д. Бодрунова «Общая теория ноономики» // М.: Культурная революция, 2019. 504 с. // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 1. С. 183–188.
23. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке // М.: Ад Маргинем пресс. 2016. 592 с.
24. *Рахманов А.Б.* Бизнес-элиты ведущих стран мира в 2019 году // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 141–154.
25. *Савченко П.В., Федорова М.Н.* социальные аспекты устойчивого и динамичного развития российской экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 3. С. 99–110.
26. *Следзевский И.* Цивилизационное измерение современного мирового развития: проблемы и подходы // МЭиМО. 2020, том 64. № 1. С. 82–90.
27. *Уэрта де Сото Х.* Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество / Хесус Уэрта де Сото; пер. с англ. Б.С Пинкера под ред. А.В. Куряева // Челябинск: Социум, 2007. – viii + 202 с. (Серия «Австрийская школа». Вып. 1).
28. *Хесин Е.* Экономика европейского союза: итоги посткризисного десятилетия // МЭиМО. 2020, том 64. № 1. С. 73–81.
29. *Ю. Ли Куан.* Из третьего мира – в первый. История Сингапура (1965–2000): пер. с англ. Александра Боня / Ли Куан Ю. – 6-е изд. // М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 576 с.
30. *Яковлев П.* Риски мировой рецессии в условиях кризиса глобализации // МЭиМО. 2020, том 64. № 2. С. 5–14.

Yuri Liferenko (e-mail: Liferenko69@yandex.ru)

Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Department of Economic Theory, Tver State University (Tver, Russia)

RECONSTRUCTION OF CAPITALISM IN RUSSIA, WHICH IS NEARLY INCAPABLE OF DEVELOPING THE ECONOMY

The significant changes that have taken place in industrial relations over the past century have deprived the capitalist economy of the much needed dynamism. The main reasons that led the world economy to stagnation stem from the economic exceptionalism of private and public monopolist enterprises, as well as from the state monopoly

in the management of the countrys economy. These reasons have led to the transformation of traditional capital into assets that have lost the main features of capital. In the process of capitalism transformation, a system has been created that has largely lost its ability to economic growth. No changes in policy will give a positive result without certain modifications of the economy. For such alterations, it is proposed to recreate the system of free competition and overcome state monopoly in economic management. Thus, it will be possible to restore the traditional functions of capital.

Keywords: private and public monopolist enterprises, government monopoly, small and medium-sized enterprises, free competition capitalism, capital, economic growth.

DOI: 10.31857/S020736760014935-7